

К. Н.
БАТЮШКОВ

Избранное

Константин Батюшков
Путешествие в замок Сирей

«Public Domain»

1814

Батюшков К. Н.

Путешествие в замок Сирей / К. Н. Батюшков — «Public Domain»,
1814

ISBN 978-5-457-36243-7

«Из деревни Болонь, лежащей близ города Шомона, я поскакал верхом в Сонкур, где ожидали меня б<арон> де Д<амас> и г. П<исарев>, с которыми накануне уговорился я посетить замок Сирей и поклониться теням Вольтера и его приятельницы. В окрестностях Сирея назначены были квартиры нашему отряду; полки тянулись по дороге, и мы их опередили в ближнем селении...»

ISBN 978-5-457-36243-7

© Батюшков К. Н., 1814

© Public Domain, 1814

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

7

Константин Николаевич Батюшков

Путешествие в замок Сирей

Письмо из Франции к г. Д<ашкову>

Из деревни Болонь, лежащей близ города Шомона, я поскакал верхом в Сонкур, где ожидали меня б<арон> де Д<амас> и г. П<исарев>, с которыми накануне уговорился я посетить замок Сирей и поклониться теням Вольтера и его приятельницы. В окрестностях Сирея назначены были квартиры нашему отряду; полки тянулись по дороге, и мы их опередили в ближнем селении. Сначала погода нам вовсе не благоприятствовала: холодный и резкий ветер наносил снег и дождь; наконец небо прояснилось, и солнце осветило прекрасные долины, рощи и горы. Мы проехали чрез местечко Виньори, где заметили развалины весьма древнего замка на высоком утесе, который господствует над селением и близлежащими долинами.

Ein bethürmtes Schloss, voit Majestät,
Auf des Berges Felsenstirn erhöht!¹

«Кому принадлежит этот замок?» – спросил я у старика, сидящего на пороге сельского домика, тесно примыкающего к развалинам. «Какой-то старой дворянке», – отвечал он, подняв красный колпак, старый, изношенный, и который, конечно, играл большую роль в бурные годы революции. Это замечание я сделал мимоходом и продолжал вопросы: «Когда построен замок?» – «Во время Шампанских графов, сказывал мне покойный дед². Храбрые рыцари искали здесь убежища от народных возмущений и укрепили замок башнями, рвами, палисадами. Время и революция все разрушили. Здесь не одна была революция, господин офицер! не одна революция! Я на веку моем пережил одну; тяжелые времена... не лучше нынешних. Посадили дерево вольности... я сам имел честь садить его, вот там, на зеленом лугу... Разорили храмы божий... у меня рука не поднималась на злое!.. Но чем же это все кончилось? Дерево срубили, а надписи на паперти церковной: *вольность, братство или смерть* – мелом забелили. Чего я не насмотрелся в жизни? и неприятелей на родине моей увидел, и с офицером *козачьим* теперь разговариваю! Чудеса! По совести чудеса!» – «Ты разорился от войны, добрый старичок?» – «Много пострадал, а бедные соседи еще более. Мы все желаем мира». – «О! мы знаем это: но император ваш не желает». – «Прямой корсиканец! Знаете ли, что он объявил нам?» Здесь старик покачал головою, посмотрел на меня пристально, и – конечно от робости – заикнулся. «Говори, говори!» – «Охотно, если прикажете. Император..., – это было сказано важным и торжественным голосом, – император объявил нам, что он не хочет трактовать о мире с пленными; ибо он почитает вас в плену.

¹ Многобашенный замок, полный величия, Подымается на скалистом склоне горы (нем.).

² Французы и теперь мало заботятся о древних памятниках. Развалины, временем сделанные, – ничего в сравнении с опустошениями революции: бурные времена прошли, но невежество или корыстолюбие самое варварское пережили и революцию. Один путешественник, который недавно объехал всю полуденную Францию, уверял меня, что целые замки продаются на своз, и таким образом вдруг уничтожаются драгоценные исторические памятники. Напрасно правительство хотело остановить сии святотатства; ничто не помогало, ибо для нынешних французов ничего нет ни священного, ни святого – кроме денег, разумеется. Какая разница с немцами! В Германии вы узнаете от крестьянина множество исторических подробностей о малейшем остатке древнего замка или готической церкви. Все рейнские развалины описаны с возможною историческою точностию учеными путешественниками и художниками, и сии описания вы нередко увидите в хижине рыбака или земледельца. Притом же немцы издавна любят все сохранять, а французы разрушать: верный знак с одной стороны доброго сердца, уважения к законам, к нравам и обычаям предков; а с другой стороны – легкомыслия, суетности и жестокого презрения ко всему, что не может насытить корыстолюбия, отца пороков.

Он нарочно завел вас сюда, чтобы истребить до последнего человека: это была военная хитрость, понимаете ли? военная хитрость, не что иное... Но вы смеетесь... и нам это смешно показалось, так смешно, что мы префекта, приехавшего сюда с этим объявлением, камнями и грязью закидали. Il s'en souviendra!..³. Но вам пора догонять товарищей. Добрый путь, господин офицер!»

Размышляя о странном характере французов, которые смеются и плачут, режут ближних, как разбойники, и дают себя резать, как агнцы, я догнал моих товарищей.

Час от часу дорога становилась приятнее: холмы, одетые виноградником и плодоносными деревьями, между коими мелькали приятные сельские домики, напоминали нам Саксонию, благословенные долины Дрездена, места очаровательные! Разговаривая с товарищами и любуясь красотой видов, мы неприметно проехали несколько миль; каждый замок, каждое местечко мы принимали за Сирей и смеялись своей ошибке. Наконец, поворота вправо с большой дороги, вдоль по речке Блез, мы увидели жилище славной нимфы Сирейской, которой одно имя рождает столько приятных воспоминаний...

Во ста шагах от селения возвышается замок на высоком уступе; кругом – рощи и кустарники. Все просто, но природа все украсила.

К замку примыкает английский сад и несколько тенистых аллей, к которым никогда не прикасались ножницы, даже в те времена, когда безжалостный Ленотр остригал боскеты Версальские, когда последний провинциальный дворянин рассаживал по шнуру смиренные акации и овощи в своем огороде. Вольтер, говоря о замке Сирейском, описывая красоты его окрестностей – кажется, в письме к королю Прусскому – прибавляет:

Trop d'art me révolte et m'ennuie:
J'aime mieux ces vastes forêts!⁴

Эти леса и поныне украшают Сирей своею дикостию. Замок сохранил древнюю наружность; можно отличить новые пристройки и балконы. Они принадлежат к Вольтерову времени. На крутой кровле (à la mansarde) я заметил некоторые украшения и высокие продолговатые трубы, обложенные лепными изображениями, похожие на трубы замка Port-sur-Seine, принадлежащего Летиции, матери Наполеона. Мы вошли в Сирей и удивились обширным залам, убраным в новейшем вкусе. Наружность того не обещала.

³ Он об этом вспомнит! (франц.).

⁴ Избыток искусства меня возмущает и надоедает мне: Я предпочитаю эти обширные леса. (франц.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.